

## Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности

А. А. Власов, Л. З. Двалишвили

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,  
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

**Для цитирования:** Власов, Анатолий А., Лика З. Двалишвили. 2021. «Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 1056–1068. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.415>

В статье анализируются возможности изменения норм Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) о сроках исковой давности в свете введения добросовестности в качестве фундаментального принципа правового регулирования гражданских правоотношений. Речь идет о возможностях отказа суда в применении исковой давности вследствие совершения ответчиком действий, не совместимых с добросовестностью. Поскольку, с одной стороны, институт исковой давности установлен в целях охраны интересов ответчика от несвоевременных, запоздалых, а подчас и недобросовестных претензий со стороны истца, а с другой — ссылка ответчика на пропуск срока давности полностью лишает истца возможности защиты своих прав и законных интересов, недобросовестно нарушенных ответчиком, то цель правового регулирования в соответствующей сфере видится в нахождении решения, обеспечивающего оптимальный справедливый баланс интересов участников спорного правоотношения. Авторы предлагают компромиссную модель, предполагающую установление степени недобросовестности ответчика и вместе с тем учитывающую возможности истца по предъявлению искового заявления в суд в пределах срока давности. Исследуются решения российских судов по вопросу об отказе суда в применении исковой давности в силу недобросовестности ответчика, анализируется возможность «переквалификации» оспоримых сделок в ничтожные ввиду явного злоупотребления ответчиком принадлежащим ему правом. Особое внимание уделяется проблеме императивности норм ГК РФ о сроках исковой давности: в целях защиты истца от недобросовестных действий со стороны ответчика и обеспечения единообразия правового регулирования, отвечающего интересам справедливости, предлагается легализовать соглашения об увеличении сроков давности с учетом необходимости защиты интересов наиболее слабой стороны правоотношения.

*Ключевые слова:* неприменение исковой давности, недобросовестность ответчика, грубая недобросовестность, соглашения об увеличении исковой давности, соглашения о неприменении исковой давности, эстоппель, баланс интересов.

### 1. Введение

В последнее время в правовых кругах вызывает интерес проблема неприменения сроков давности со ссылкой на добросовестность. В связи с этим возникает вопрос: может ли суд отклонить довод ответчика об истечении сроков давности по заявленному истцом требованию и рассмотреть спор по существу, и если да,

то в каких случаях? Этот вопрос для правоприменителей далеко не праздный, поскольку традиционно сроки исковой давности были «убежищем» для ответчика: по их прошествии он мог оставаться в спокойной уверенности относительно невозможности реализации и защиты прав и интересов истца (за исключением случаев приостановления, перерыва и восстановления срока исковой давности).

Общеизвестно, что в российском праве соглашения об изменении сроков исковой давности и порядке их исчисления в силу ст. 198 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ<sup>1</sup> (далее — ГК РФ) являются недействительными. Вместе с тем еще несколько лет тому назад отечественный законодатель признал добросовестность фундаментальным базовым принципом, а ст. 10 ГК РФ ныне обязывает судью отказывать в защите права лица, заведомо недобросовестно осуществляющего принадлежащие ему права. Принцип добросовестности — мощный инструмент достижения справедливости, но в то же время он очень абстрактен и неконкретен. При решении конкретного дела на практике добросовестность не может быть абстрактной, она должна быть конкретной, т. е. должна иметь вполне определенное конкретное содержание (Сарбаш 2017, 14–15). Вследствие отсутствия единого подхода к указанной проблеме в практике российских судов на повестку дня выходит вопрос о возможности отказа суда в применении исковой давности со ссылкой на недобросовестность ответчика

## 2. Основное исследование

Чтобы понять суть проблемы, обратимся к судебной практике. Так, в 2013 г. Судебной коллегией по экономическим спорам Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) в порядке надзора было рассмотрено дело по иску муниципального унитарного предприятия к фонду местных сообществ о признании заключенного между ними соглашения об уступке прав на земельный участок недействительным<sup>2</sup>.

Согласно фактическим обстоятельствам дела первоначально указанный земельный участок был передан городской администрацией муниципальному унитарному предприятию на правах аренды. Через некоторое время предприятие передало свои права арендатора фонду за несоразмерно малую стоимость в 5 тыс. руб., одновременно по договору субаренды получив указанный земельный участок у фонда в пользование.

Оспариваемая сделка уступки прав на участок явно не имела экономического смысла. Поскольку впоследствии приговором суда исполняющий обязанности директора предприятия, непосредственно заключивший указанную сделку, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Злоупотребление полномочиями», истец в исковом заявлении потребовал признать сделку по уступке прав недействительной в соответствии со ст. 179 ГК РФ как заключенную в результате злонамеренного сговора представителя одной стороны с представителем другой. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали истцу в удовлетворении тре-

<sup>1</sup> Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 6 февраля, 2020. <http://www.consultant.ru>.

<sup>2</sup> Определение ВАС РФ от 04.03.2013 № ВАС-15036/12.

бования о признании сделки недействительной, ссылаясь прежде всего на истечение срока давности.

Впоследствии, пересматривая указанное дело в порядке надзора, Судебная коллегия по экономическим спорам ВАС РФ пришла к выводу о том, что сделка по уступке прав настолько порочна ввиду явного злоупотребления правом, что она, несмотря на пропуск исковой давности, должна быть квалифицирована как ничтожная на основании ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ. Иначе говоря, было предложено *ex officio* (в силу занимаемой должности) признать сделку ничтожной, так как применение ст. 10 ГК РФ может осуществляться по инициативе суда (Карпетов 2013). Примечательно, что Президиум ВАС РФ, пересматривая определение коллегии, обошел стороной вопрос о возможности ввиду явного злоупотребления правом признания ничтожной сделки, совершенной в результате стовора представителя одной стороны с представителем другой, и, таким образом, неприменения по инициативе ответчика пропущенных сроков давности. Президиум ВАС РФ в Постановлении от 28.05.2013 № 15036/12 лишь констатировал, что срок давности истцом пропущен не был, поскольку предприятие узнало о нарушении своего права не с момента заключения порочной сделки по уступке прав арендатора, а с момента вступления в силу приговора суда о признании исполняющего обязанности директора предприятия виновным в злоупотреблении своими полномочиями.

Проблема квалификации в качестве ничтожной сделки, совершенной в связи с явным злоупотреблением правом, до сих пор не решена. В этом контексте особый интерес представляет Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09, в котором суд не применил исковую давность, отметив: «Отказ судов применить исковую давность по своему смыслу соответствует п. 2 ст. 10 ГК РФ и выступает в настоящем случае как санкция за злоупотребление правами».

В рассматриваемом деле, несмотря на то что срок исковой давности был пропущен, Президиум ВАС признал сделку, совершенную в результате злостного стовора представителя одной стороны с представителем другой стороны, ничтожной ввиду наличия явного злоупотребления правом. Однако срок исковой давности был пропущен ввиду отсутствия у истца возможности своевременно обратиться в суд. Не исключено, что именно из-за этого важного факта суд признал сделку ничтожной в целях защиты интересов истца, поскольку восстановить срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, в силу положений ст. 205 ГК РФ, не представлялось возможным.

Вместе с тем в обоих рассмотренных случаях, строго говоря, факт злоупотребления правом со стороны представителя истца как таковой отсутствовал. Ведь злоупотребление правом, что неоднократно подчеркивалось в отечественной правовой доктрине, представляет собой одну из форм правомерного поведения (Соломин 2017, 22), а в рассмотренных выше случаях директора, выступавшие в качестве представителей юридических лиц (впоследствии — истцов), напрямую нарушили предписания закона, действуя в ущерб интересам представляемых ими лиц. Их поведение, таким образом, не было злоупотреблением правом, оно скорее представляло собой нарушение обязанности и, безусловно, также подлежало квалификации как недобросовестное. В свою очередь, действия контрагентов по сделке, знавших о причинении существенного вреда истцам в результате совершения подобных сделок, являлись не чем иным, как злоупотреблением правом.

В выше рассмотренных делах в силу положений ст. 179 ГК РФ и раскладки фактических обстоятельств дела сделки подлежали квалификации как оспоримые, однако суды признали их ничтожными. При этом в Определении от 04.03.2013 № ВАС-15036/12 подобная «переквалификация» сделки была осуществлена на основании ст. 10 и 168 ГК РФ, в то время как во втором случае Президиум ВАС посчитал достаточной ссылку лишь на ст. 10 ГК РФ. Позиция Президиума ВАС представляется обоснованной, а дополнительная ссылка на ст. 168 — излишней, особенно с учетом того, что сделка, противоречащая закону и иным правовым актам и не посягающая на публичные интересы и права третьих лиц, теперь признается не ничтожной, а оспоримой.

С введением добросовестности в качестве принципа гражданского права данный вывод получает дополнительную поддержку, поскольку признание за нормой статуса принципа подразумевает необходимость толкования иных норм в свете указанного принципа. Это, в свою очередь, существенно ослабляет позицию оппонентов, настаивающих на применении исковой давности даже в случаях, когда ответчик допустил явную недобросовестность по отношению к истцу, ввиду того, что отказ в ее применении противоречил бы воле законодателя относительно «неприкасаемости» императивных норм о сроках исковой давности.

Кроме того, в вышеприведенных спорах основанием признания судом ничтожными заключенных ответчиком сделок была крайняя недобросовестность со стороны последнего. В связи с этим вполне разумной и обоснованной представляется возможность квалификации указанных сделок по ст. 169 ГК РФ как сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности.

Сходные дела, в рамках которых рассматривался вопрос о неприменении исковой давности ввиду недобросовестного поведения ответчика, периодически возникали в отечественной судебной практике. Причем нередко в таких случаях суды наряду с выводом о неприменении исковой давности вследствие злоупотребления правом признавали срок давности еще не истекшим<sup>3</sup>. Интересно, что в тех случаях, когда какая-либо из судебных инстанций отказывалась применять исковую давность со ссылкой на злоупотребление правом стороной спора, вышестоящая инстанция, как правило, отменяла принятый ею акт, однако совсем по иным основаниям, не связанным со злоупотреблением правом, преимущественно в связи с признанием срока исковой давности не истекшим ввиду его исчисления с иной даты или признанием требования истца не подпадающим под правила об исковой давности<sup>4</sup>. Важно отметить, что в указанных актах вышестоящих судебных инстанций вопрос о возможности неприменения исковой давности ввиду недобросовестного поведения стороны спора суды обходили стороной и не опровергали подобную возможность. Более того, из ряда судебных актов допустимо сделать косвенный вывод о том, что суд скорее склонен признать возможность неприменения исковой

<sup>3</sup> Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 301-ЭС15-5443 по делу № А43-25745/2013.

<sup>4</sup> Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.08.2017 и Определение Верховного Суда РФ от 27.03.2018 по делу № 308-ЭС17-18062; Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 301-ЭС15-5443 по делу № А43-25745/2013 и Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.09.2016 по делу № 203 ПЭК16; Определение ВАС РФ от 04.03.2013 № ВАС-15036/12 и Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 15036/12.

давности со ссылкой на недобросовестность, нежели отвергнуть ее<sup>5</sup>. Единственный действующий судебный акт Верховного Суда РФ, в котором напрямую признана возможность неприменения исковой давности вследствие злоупотребления правом, — вышерасмотренное Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09. В то же время судебные акты, в которых суды отрицали бы возможность неприменения исковой давности ввиду недобросовестного поведения стороны спора, в открытых источниках нами не обнаружены.

Приходится констатировать, что на сегодняшний день судебная практика по рассматриваемому вопросу не сформирована. Суды изредка признают возможность отказа в применении исковой давности со ссылкой на недобросовестность, чаще же они обходят указанный вопрос стороной, избегая ответа на него. Связано это, по-видимому, с тем, что подобное ограничение, с одной стороны, способно внести непредсказуемость в исход дела и, как следствие, в поведение участников правоотношения, подрывать стабильность гражданского оборота, а с другой — подпадает под действие п. 2 ст. 10 ГК РФ и в полной мере соответствует духу ГК РФ, направлено на обеспечение справедливости в каждом конкретном случае. Если исходить из того, что добросовестность является выражением духа закона, духа права (или, другими словами, его правовой материализацией), то отсутствие добросовестности или недостаточность эффективного ее применения приводит к неполноценности применения имеющегося у нас права, т. е. оно применяется только исходя из буквы закона, а это может привести и, как правило, приводит к целям, противоположным тем, которые право преследовало, со всеми вытекающими последствиями (Нам 2017).

Таким образом, вопрос об отказе суда в применении сроков исковой давности ввиду недобросовестного поведения ответчика в российском праве остается открытым. Ответ на него зависит от распределения судом (или законодателем) между истцом и ответчиком бремени несения неблагоприятных последствий их ненадлежащего поведения. Речь идет о ситуациях, когда, с одной стороны, ответчик при заключении, исполнении или расторжении договора проявил недобросовестность к своему контрагенту (истцу), а с другой — истец не обратился своевременно в суд, пропустив тем самым срок исковой давности, установленный прежде всего в целях охраны законных интересов ответчика.

По нашему мнению, наиболее справедливой, гибкой и обоснованной, с учетом всех фактических обстоятельств дела, является следующая модель распределения между истцом и ответчиком неблагоприятных последствий их ненадлежащего поведения:

- если ответчик проявил грубую недобросовестность по отношению к истцу (своему контрагенту) и истец не имел возможности обратиться в суд с иском или указанная возможность в силу фактических обстоятельств дела

---

<sup>5</sup> См., напр.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2019 № Ф06-44356/2019 по делу № А49-6629/2012: «Довод ФНС России, приведенный в ее кассационной жалобе о том, что положения о сроке исковой давности в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ не подлежат применению в качестве санкции за недобросовестное поведение Федотова А.Г. (злоупотребление правом) подлежит отклонению, поскольку судами первой и апелляционной инстанций установлено, что злоупотребления правом со стороны Федотова А. Г. не допущено».

была крайне затруднена, суд отказывает ответчику в применении исковой давности;

- если ответчик проявил грубую недобросовестность по отношению к истцу (своему контрагенту) и в силу фактических обстоятельств дела возможность обращения истца в суд была затруднена, суд может отказать ответчику в применении исковой давности; при этом суд учитывает характер недобросовестных действий ответчика и предшествующее поведение истца, продолжительность установленного срока давности, период его пропуска, последствия отклонения или удовлетворения заявления ответчика о применении исковой давности и иные фактические обстоятельства дела.

Например, возможность обращения в суд будет невозможна или крайне затруднена в случаях, когда у физического или юридического лица отсутствовало достаточное количество денежных средств, чтобы осуществить судебные расходы, необходимые для ведения дела, или лицо, впоследствии восстановленное в правах участника юридического лица, не имело возможности оспорить в судебном порядке действия иных участников в связи с его исключением из состава участников. Указанная возможность будет затруднена, если, скажем, у лица имелись суммы, необходимые для ведения судебного дела, но они ему были необходимы для каких-либо иных важных, но не жизненно необходимых потребностей (например, для оплаты обучения детей в институте или для приобретения продуктов питания и пр.); если у лица в период срока исковой давности были существенно обострены отношения в семье (например, супруги готовились к разводу и пр.) или имелись иные обстоятельства, причиняющие ему существенный моральный вред. Разумеется, бремя доказывания в суде указанных обстоятельств будет лежать на истце, желающем добиться от суда неприменения исковой давности.

В связи с рассмотрением случаев затруднительности обращения в суд в пределах срока исковой давности встает вопрос об их соотношении с основаниями восстановления данного срока, предусмотренными ст. 205 ГК РФ. В соответствии с указанной статьей в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок составляет шесть месяцев или менее шести месяцев — в течение срока давности. Очевидно, что причины невозможности и затруднительности обращения в суд в пределах срока исковой давности включают в себя основания восстановления сроков исковой давности, но не исчерпываются ими. Статья 205 ГК РФ охватывает лишь наиболее весомые основания, практически исключающие возможность обращения в суд, в то время как рассмотренная выше модель рассчитана прежде всего на ситуации, когда возможность обращения в суд имела, но по тем или иным достаточно весомым основаниям была затруднена. Кроме того, ст. 205 ГК РФ распространяется лишь на физических лиц, в то время как сроки исковой давности, пропущенные по тем или иным уважительным причинам юридическими лицами, остаются за пределами ее действия.

Указанные недостатки нормы о восстановлении сроков исковой давности можно скорректировать посредством применения предложенной модели. Вместе с тем разумным и справедливым по аналогии со ст. 205 ГК РФ видится дополнение указанной модели правилом, предусматривающим неприменение сроков исковой давности при условии, что обстоятельства, исключаящие или затрудняющие возможность обращения в суд, имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок составляет шесть месяцев или менее шести месяцев — в течение срока давности.

Кроме того, следует иметь в виду, что предложенная модель должна распространяться лишь на случаи затруднительности обращения в суд, не подпадающие под действие ст. 205 ГК РФ.

Рассматриваемая модель правового регулирования не лишена недостатков. Во-первых, это связано с неопределенностью отдельных ее положений (прежде всего, понятия «грубая недобросовестность») и, как следствие, с некоторой непредсказуемостью исхода дела, что как раз и позволит обеспечить гибкость правового регулирования и достижение справедливости в каждом конкретном случае. Однако подобный результат достижим лишь в умелых руках. Во-вторых, применяя указанную модель регулирования, судья будет вынужден принимать меры, направленные на установление факта недобросовестного поведения ответчика, еще не разрешив вопроса о применении исковой давности. Само собой, это повлечет дополнительные процессуальные издержки, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ в случае отказа в иске в связи с признанием неуважительными причин пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств. Согласно ч. 6 ст. 152 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ при установлении факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу.

Представляется, что понятие *грубой* недобросовестности несколько уже, нежели *явной*: грубая недобросовестность всегда (по крайней мере, после ознакомления со всеми фактическими обстоятельствами дела) становится явной, очевидной, в то время как явная недобросовестность не всегда является грубой. Дело в том, что категория грубой недобросовестности, во-первых, предполагает наиболее сильную ее степень, а во-вторых, в рассматриваемом контексте, в силу значимости правовых последствий ее применения, выражающихся в неприменении судом исковой давности, — также причинение серьезного ущерба контрагенту или угрозу его причинения (в сопоставлении с размером исковых требований). Конкретные модели поведения, охватываемые категорией грубой недобросовестности, должны стать предметом исследования в рамках судебной практики.

Несмотря на «каучуковый» характер категории грубой недобросовестности и возникновение дополнительных процессуальных издержек, обращение к выше-рассмотренной модели правового регулирования способно обеспечить справедливость в каждом конкретном случае, когда ответчик допустил грубую недобросовестность по отношению к истцу, а возможность обращения истца в суд была затруднена. Вместе с тем указанная модель не игнорирует и интересы правовой

определенности, поскольку применяется, во-первых, лишь при наличии грубой недобросовестности в действиях стороны спора, а во-вторых, лишь к ситуациям, когда доступ истца к правосудию по тем или иным причинам был затруднен, и, таким образом, способствует достижению равномерного баланса между интересами истца и ответчика, с одной стороны, и целями определенности и справедливости — с другой.

Вопрос о неприменении судом сроков давности по договорным обязательствам в связи с недобросовестностью указывающего на их пропуск ответчика может быть рассмотрен и с иных позиций. Как известно, противоречивое поведение лица признается одной из форм недобросовестности (Looschelders, Olzen, Schiemann 2005, 286). Если лицо сознательно создает у своего контрагента уверенность в том, что в случае подачи иска оно не будет ссылаться на пропуск срока исковой давности, а впоследствии тем не менее заявляет в суде о применении давности, то такое поведение ответчика не расценивается иначе как недобросовестное.

В связи со сказанным представляется уместным привести дела из практики судов Германии, когда подобная ссылка ответчика была отклонена судами как противоречащая добросовестности. Так, суды ФРГ признают ссылку ответчика на истечение сроков давности недобросовестной, в частности, в следующих случаях:

- если ответчик своими действиями преднамеренно препятствовал истцу возбудить судебное производство (например, путем смены места жительства или регистрации по фальшивому адресу);
- если ответчик утверждал, что не будет выдвигать против иска возражения, основанные на истечении сроков исковой давности;
- если ответчик преднамеренно побудил истца воздержаться от возбуждения судебного производства посредством затягивания переговоров в целях заключения мирового соглашения;
- если истец исходил из того, что ответчик не будет возражать против иска, ссылаясь на истечение сроков давности, а ответчик своими действиями, даже не направленными на истечение давности, создал и должен был осознавать, что создал уверенность истца в том, что ответчик не будет возражать против иска, ссылаясь на истечение сроков давности (Cartwright 1964, 1334).

При внимательном рассуждении можно заметить, что все указанные случаи отклонения судами ссылки на пропуск истцом сроков давности характеризуются некоей общей подоплекой, а именно: ответчик своими действиями сознательно способствовал пропуску истцом срока исковой давности, в том числе посредством создания у истца уверенности в том, что он (ответчик) не будет ссылаться на истечение срока давности, ввиду чего суды признавали последующую ссылку ответчика на пропуск срока давности недобросовестной и не применяли его.

Рассматривая названные случаи отказа судами Германии в применении исковой давности в качестве санкции за недобросовестное поведение ответчика, нетрудно заметить, что в большинстве из них имело место прямое или подразумеваемое волеизъявление ответчика не ссылаться в суде на пропуск истцом срока давности. Максимальной степени определенности и завершенности подобная воля ответчика достигает при заключении соглашения об отказе ответчика от исковой



давности. Очевидно, что при заключении подобного соглашения интерес истца в неприменении срока давности оказывается максимально защищенным в силу того, что воля ответчика не ссылаться на пропуск исковой давности прямо выражена в форме обязательства перед истцом, что, в свою очередь, порождает полную уверенность истца в возможности защиты своих прав при предъявлении иска по истечении предусмотренного законом срока давности.

Итак, возможность отклонения судом ссылки ответчика на пропуск исковой давности ввиду недобросовестности последнего в связи с реализацией права заявлять о применении исковой давности тесно связана с проблемой действительности соглашений о неприменении или увеличении сроков давности. Например, нелогичным и несправедливым было бы неприменение судом исковой давности по заявлению ответчика, преднамеренно побудившего истца воздержаться от своевременного предъявления иска в целях затягивания переговоров относительно заключения мирового соглашения, при отказе истцу в удовлетворении его требований ввиду пропуска срока давности, примененного по ходатайству ответчика в нарушении заключенного им соглашения об отказе от исковой давности. Таким образом, легализация соглашений об увеличении или отказе от сроков давности открывает возможность охраны истца от недобросовестного ответчика, сознательно создавшего у истца уверенность в возможности защиты своих прав по истечении срока давности и путем ссылки на пропуск давности нарушившим такую уверенность.

Пункт 2 § 202 Германского гражданского уложения<sup>6</sup> (далее — ГГУ) разрешает заключение соглашений об увеличении сроков давности на срок до 30 лет. Установление указанного предельного срока, очевидно, обусловлено тем, что согласно § 197 ГГУ максимальный срок исковой давности не может превышать 30 лет (Эрделевский 2015, 59), в то время как в России подобные соглашения запрещены в силу прямого предписания ст. 198 ГК РФ. Если соглашение о неприменении сроков давности будет предъявлено истцом по прошествии давностных сроков, то суд в случае ссылки ответчика на пропуск срока давности откажет истцу в удовлетворении его требований. Очевидно, что в подобных ситуациях в условиях российских правовых реалий явно недобросовестное противоречивое поведение ответчика может оставаться за рамками правового поля, в частности, в силу того, что категория эстоппеля, широко применяемая за рубежом, в Российской Федерации применяется пока к весьма узкому кругу отношений. В ФРГ, напротив, интерес истца в неприменении сроков давности подлежит защите не только в тех случаях, когда имеется прямо выраженное соглашение сторон по соответствующему вопросу, но и тогда, когда ответчик вопреки добросовестности своими действиями сознательно способствовал созданию у истца уверенности в том, что не будет ссылаться в суде на истечение сроков давности.

В связи с этим следовало бы легализовать соглашения об увеличении сроков давности, с учетом, однако, некоторых весьма существенных ограничений. Так, К. Г. Савин вполне обоснованно предлагает разрешить соглашения об увеличении сроков исковой давности по требованиям к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. При этом срок исковой давности, предусмотренный со-

<sup>6</sup> Bürgerliches Gesetzbuch. Дата обращения 15 ноября, 2021. URL: <https://dejure.org/gesetze/BGB/202.html>.

глашением сторон, по его мнению, не должен превышать 10 лет (Савин 2017, 104). Акты неформальной унификации права, прежде всего Принципы европейского договорного права<sup>7</sup> (The Principles of European Contract Law, PECL) и Принципы, определения и модельные правила европейского частного права<sup>8</sup> (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference, DCFR), разрешают соглашением увеличивать срок исковой давности до 30 лет, запрещая при этом подобными соглашениями наносить ущерб интересам наиболее слабой стороны правоотношения.

Что касается соглашений об отказе от применения сроков исковой давности, то они, в сущности, представляя собой разновидность соглашения об увеличении срока давности, отвергаются большинством правопорядков (Савин 2019, 137).

Германия относится к числу тех немногих стран, законодательство которых допускает возможность заключения соглашений об отказе от применения исковой давности, в том числе до истечения срока давности. Не поддерживая идею столь резкой ломки сложившихся правовых традиций в нашей стране, учитывая необходимость обеспечения справедливого баланса интересов сторон (истца и ответчика), полагаем целесообразной законодательную легализацию лишь соглашений об увеличении сроков давности с установлением предельного срока и правила о недопустимости заключения подобных соглашений в ущерб интересам наиболее слабой стороны правоотношения.

### 3. Выводы

Цели обеспечения справедливого баланса интересов контрагентов по сделке (истца и ответчика) в свете введения добросовестности в качестве принципа правового регулирования гражданских правоотношений требуют предоставления истцу возможности защиты своих прав вопреки доводам недобросовестного ответчика о пропуске срока исковой давности. Вместе с тем, по справедливому замечанию Й. Эссера, справедливость конкретного случая легитимна лишь как разумное дополнение права, но не как свобода от него (Ширвиндт 2017). Поэтому возможности неприменения судом исковой давности ввиду недобросовестности стороны спора в целях обеспечения справедливого баланса интересов сторон спора должны быть ограничены. В связи с этим представляется разумным дополнить гл. 12 ГК РФ ст. 208.1 следующего содержания:

Если ответчик своими действиями сознательно способствовал пропуску исковой давности или созданию у истца уверенности в том, что он не будет ссылаться в суде на истечение исковой давности, ссылка ответчика на пропуск срока давности отклоняется судом.

Если ответчик проявил грубую недобросовестность по отношению к истцу и истец не имел возможности обратиться в суд с иском или указанная возможность в силу фактических обстоятельств дела была крайне затруднена, суд отказывает ответчику в применении срока исковой давности.

---

<sup>7</sup> Principles of European Contract Law — PECL. Дата обращения 14 ноября, 2021. [http://translex.uni-koeln.de/400200/\\_pecl](http://translex.uni-koeln.de/400200/_pecl).

<sup>8</sup> *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition.* 2009. Munich: Sellier. European law publishes GmbH.

Если ответчик проявил грубую недобросовестность по отношению к истцу и в силу фактических обстоятельств дела возможность обращения истца в суд была затруднена, суд может отказать ответчику в применении срока исковой давности. При этом суд учитывает характер недобросовестных действий ответчика и предшествующее поведение истца, продолжительность установленного срока давности, период его пропуска, последствия отклонения или удовлетворения заявления ответчика о применении исковой давности и иные имеющие существенное значение обстоятельства дела.

Суд в соответствии с настоящей статьей не применяет исковую давность лишь при условии, что обстоятельства, исключающие или затрудняющие возможность обращения в суд, имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок составляет шесть месяцев или менее шести месяцев — в течение срока давности.

В любом случае по ходатайству стороны спора суд применяет исковую давность по истечении 20 лет с момента начала течения срока давности.

Положения настоящей статьи не затрагивают действие норм ст. 205 ГК РФ о восстановлении срока исковой давности.

В настоящее время до внесения соответствующих изменений в нормы ГК РФ об исковой давности отклонение судом ссылки ответчика на пропуск исковой давности в целях обеспечения принятия справедливого решения в каждом конкретном случае может быть обосновано ссылкой на ст. 10 ГК РФ, а по искам о признании сделки недействительной в силу недобросовестного поведения контрагента при заключении сделки — также посредством признания сделки ничтожной как совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности.

## Библиография

- Карапетов, Артем Г. 2013. «Ст. 10 ГК как основание для неприменения исковой давности: интересное дело передано в Президиум ВАС РФ». *Закон*. Дата обращения 29 сентября, 2019. [http://zakon.ru/blog/2013/4/30/st10\\_gk\\_kak\\_osnovanie\\_dlya\\_nepriimeneniya\\_iskovoj\\_davnosti\\_interesnoe\\_delo\\_peredano\\_v\\_prezidium\\_vas\\_r](http://zakon.ru/blog/2013/4/30/st10_gk_kak_osnovanie_dlya_nepriimeneniya_iskovoj_davnosti_interesnoe_delo_peredano_v_prezidium_vas_r).
- Нам, Кирилл В. 2017. «Принцип добросовестности. Некоторые проблемы развития доктрины». *Вестник гражданского права* 6: 74–89.
- Савин, Константин Г. 2017. «Соглашения об исковой давности». *Вестник гражданского права* 6: 90–107.
- Савин, Константин Г. 2019. «Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- Сарбаш, Сергей В. 2017. «Единый доктор для закона — это судья». *Закон* 4: 6–19.
- Соломин, Сергей К. 2017. «К вопросу о сущности злоупотребления гражданскими правами». *Право и экономика* 6: 15–22.
- Ширвиндт, Андрей М. 2017. «Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение». *Center Berёg*. Дата обращения 25 февраля, 2020. <http://center-berёg.ru/b502.html>.
- Эрделевский, Александр М. 2015. «О некоторых вопросах исковой давности». *Журнал российского права* 3: 58–64.
- Cartwright, Hilary. 1964. “The Law of Obligations in England and Germany: Some comparative reflections in the light of the proposals in law reform now”. *The International and Comparative Law Quarterly* 13 (4): 1316–1348.

Looschelders, Dirk, Dirk Olzen, Gottfried Schiemann. 2005. *J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2. Recht der Schuldverhältnisse. Einl zu § 241 ff, § 241 § 243*. Berlin: de Gruyter.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2019 г.;  
рекомендована в печать 2 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Власов Анатолий Александрович — д-р юрид. наук, проф.; prof.vlasov@mail.ru  
Двалишвили Лика Зазавна — преп.; Lika.Dvalishvili.1993@mail.ru

## Defendant's bad faith as a basis for the court's non-application of limitation of action

A. A. Vlasov, L. Z. Dvalishvili

Moscow State Institute of International Relations (University) of  
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,  
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

**For citation:** Vlasov, Anatoly A., Lika Z. Dvalishvili. 2021. "Defendant's bad faith as a basis for the court's non-application of limitation of action". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 1056–1068. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.415> (In Russian)

The subject of this study is an analysis of possible changes to action limitation period norms of the Russian Civil Code in light of the introduction of good faith as a fundamental principle of the legal regulation of civil relations. The issue involves the non-application of limitation of action by courts as a result of the defendant's actions that are incompatible with good faith. Since, on the one hand, limitation of action has been established in order to protect the defendant from untimely, belated, and sometimes unfair claims by the plaintiff, and, on the other hand, the defendant's reference to omitting the statute of limitations completely deprives the plaintiff of the protection of his rights and legal interests violated by the defendant in bad faith. The goal of legal regulation is to find a solution that provides an optimal fair balance between the interests of the conflicting parties. In this regard, the authors propose a compromise model that presupposes the establishment of the degree of the defendant's bad faith and, at the same time, takes into account the plaintiff's capability to file a lawsuit within the limitation period. The decisions of Russian courts on the refusal of courts to apply the limitation of actions due to the defendant's bad faith are examined in this article. Also, the re-qualifying of a disputable transaction as void in consequence of the gross abuse of the right by the defendant is analyzed. Particular attention is paid to the mandatory nature of the Civil Code norms providing limitation of action: in order to protect the plaintiff from the defendant's dishonest actions and to ensure uniformity of legal regulation meeting the interests of justice, it is proposed to legalize agreements on increasing the limitation period, taking into account, however, the need to protect the interests of the weaker party to the contract.

**Keywords:** non-application of limitation of action, bad faith of the defendant, gross unfairness, agreements to increase the limitation period, estoppel, a fair balance of parties' interests.

## References

Cartwright, Hilary. 1964. "The Law of Obligations in England and Germany: Some comparative reflections in the light of the proposals in law reform now". *The International and Comparative Law Quarterly* 13 (4): 1316–1348.

- Erdelevskii, Aleksandr M. 2015. "On some issues of limitation of action". *Zhurnal rossiiskogo prava* 3: 58–64. (In Russian)
- Karapetov, Artem G. 2013. "Art. 10 Civil Code as a basis for non-application of the limitation period: an interesting case has been taken to the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation". *Zakon*. Accessed September 29, 2019. [http://zakon.ru/blog/2013/4/30/st10\\_gk\\_kak\\_osnovanie\\_dlya\\_neprimeneniya\\_iskovoj\\_davnosti\\_interesnoe\\_delo\\_peredano\\_v\\_prezidium\\_vas\\_r](http://zakon.ru/blog/2013/4/30/st10_gk_kak_osnovanie_dlya_neprimeneniya_iskovoj_davnosti_interesnoe_delo_peredano_v_prezidium_vas_r). (In Russian)
- Looschelders, Dirk, Dirk Olzen, Gottfried Schiemann. 2005. *J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2. Recht der Schuldverhältnisse. Einl zu § 241 ff, § 241 β 243*. Berlin, de Gruyter.
- Nam, Kirill V. 2017. "The Principle of good faith: Some problems of the doctrine's development". *Vestnik grazhdanskogo prava* 6: 74–89. (In Russian)
- Sarbash, Sergei V. 2017. "The Judge is the only Doctor who cures the Law". *Zakon* 4: 6–19. (In Russian)
- Savin, Konstantin G. 2017. "Agreements on limitation of actions". *Vestnik grazhdanskogo prava* 6: 90–107. (In Russian)
- Savin, Konstantin G. 2019. *Limitation of action in the modern domestic and foreign civil law*. PhD diss., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve RF. (In Russian)
- Shirvindt, Andrei M. 2017. "The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation and comparative law". *Center Bereg*. Accessed February 25, 2020. <http://center-bereg.ru/b502.html>. (In Russian)
- Solomin, Sergei K. 2017. "On the issue of the essence of the abuse of civil rights". *Pravo i ekonomika* 6: 15–22. (In Russian)

Received: November 1, 2019

Accepted: September 2, 2021

#### Authors' information:

Anatoly A. Vlasov — Dr. Sci. in Law, Professor; [prof.vlasov@mail.ru](mailto:prof.vlasov@mail.ru)

Lika Z. Dvalishvili — Lecturer; [Lika.Dvalishvili.1993@mail.ru](mailto:Lika.Dvalishvili.1993@mail.ru)